

Б. М. Горелик

Дискуссии вокруг англо-бурской войны в национальных движениях Российской империи

Введение

В мире внимательно наблюдали за ходом Второй англо-бурской войны 1899–1902 гг. Общественное мнение в Европе было на стороне защитников независимости Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства.

Жители стран, не имевших колоний в Африке, тоже следили за событиями южноафриканской войны. Они интересовались этим вооруженным конфликтом по причинам, не имевшим прямого отношения к событиям на юге Африки. Например, националистам импонировало сопротивление республик иноземной гегемонии. Успешное противодействие буров британским войскам вдохновляло Дж. Неру, в будущем первого премьер-министра независимой Индии. Сунь Ятсен, будущий лидер антимонархической революции в Китае, надеялся, что его соотечественники, подобно южноафриканцам, начнут решительную борьбу с иностранным господством в своей стране¹.

В Российской империи также возникло массовое пробурское движение. Историки пришли к выводу, что ведущую роль в этой кампании играла консервативная пресса². Но современники понимали, что восхищение бурским свободолобием могло быть выгодно и антиавторитарным политическим силам. В личном письме заместителю министра иностранных дел В. Н. Ламздорфу посол в Лондоне Е. Е. Стааль признавался: «С самого начала ажиотажа вокруг

буров меня поразили тот немного бунтарский, почти революционный оттенок, который приобрело это движение»³.

Опасения были оправданы, ведь в годы Южноафриканской войны интенсивно шла политизация российского общества и активизировались национальные движения. Об интересе деятелей польского движения в Российской империи и в эмиграции к опыту англо-бурской войны свидетельствуют исследования коллективных представлений в Царстве Польском о бунтах и англо-бурской войне⁴. Но до сих пор не выявлены причины пристального внимания лидеров и активистов различных национальных движений в Российской империи к освободительной борьбе далекого и малознамого им бурского народа.

Попытка установить такие причины и определить степень влияния опыта южноафриканской войны на эти движения предпринимается в настоящей статье. Для этого используются публицистические статьи, мемуары и стихи деятелей национальных и социалистических движений; сведения, опубликованные в бесцензурной прессе, которая нелегально распространялась в Российской империи, а также переписка высокопоставленных чиновников за 1899–1901 гг., обнаруженная в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ).

Сопротивление буров как импульс для национальных движений

На рубеже XIX–XX вв. русификаторские тенденции привели к возникновению очагов этноконфессиональной напряженности на окраинах Российской империи. Идеи национально-освободительной борьбы распространялись в Царстве Польском, в Великом княжестве Финляндском, в Прибалтике, на Кавказе, а также в губерниях, где преобладало украинское население.

Между тем в России преобладало представление о том, что южноафриканский вооруженный конфликт был проявлением антиколониальной борьбы. Даже в правящих кругах проводили параллели между сопротивлением буров британскому империализму и многолетним стремлением некоторых народов Российской империи к самоопределению. Весной 1900 г. директор Первого департамента МИД А. К. Базили писал: «Не будем забывать о положении поляков, финнов, всех наших мусульман, а также Бухары, которое в политическом отношении отчасти напоминает Трансвааль»⁵.

Видный деятель народничества Д. А. Клеменц видел в массовой пробурской кампании стимул для движений за независимость в разных странах. Защитники южноафриканских республик показывали пример вооруженной борьбы «за право маленького народа не слушаться, не гнуть свою спину под угрозами сильного народа»⁶. Действительно, в тех регионах Российской империи, где сохранялись надежды на широкую автономию или даже суверенитет, сопротивление буров империалистической экспансии вызывало сочувствие у деятелей национальных движений.

Пусть бритта — жадного удава
Бур искрошит за свой Трансвааль, —
Непобедимым бурам слава!
Ура! — а бритта нам не жаль⁷.

Так откликнулся на южноафриканский конфликт К. Л. Хетагуров, основоположник осетинской художественной литературы и вдохновитель освободительной борьбы своего народа. Во время англо-бурской войны он отбывал ссылку в связи со своей общественной деятельностью. Осетинский поэт понимал, что в противостоянии колониализму у народов Кавказа и других народов мира общие интересы.

Мухаммад-Шапи, сын имама Шамиля, лидера национального движения народов Северного Кавказа, служил в русской армии, был произведен в генерал-майоры. Считалось, что он вполне приспособился к жизни в российском обществе и больше не выступает за независимость Чечни и Дагестана. Тем не менее в 1901 г. в разговоре о международной кампании в поддержку буров, которые к тому времени перешли к партизанской войне, сын Шамиля заметил с сожалением: «А вот моему отцу, пятьдесят лет тому назад, никто не помогал!...»⁸

Влияние пробурской кампании можно обнаружить и в эстонской литературе. Дифирамбы защитникам южноафриканских республик служили аллегорией свободолюбивых устремлений эстонцев. Например, крестьянский поэт А. Рейнвальд в первые месяцы боевых действий в Южной Африке написал стихотворение «Бурская война». Автор восхищается отвагой «маленького народа», который показывает миру пример стойкого сопротивления империи:

Британия, страна цепей,
Ты силой не хвались своей,
Тебя крестьянин вольный бьет,
Ты не забудешь этот год,
Когда пришла ты на грабеж;
Но смелых волю не согнешь⁹.

Рассмотрим, как англо-бурскую войну воспринимали деятели самых активных национальных движений в Российской империи — финского и польского.

Финляндия

В Великом княжестве Финляндском, имевшем автономный статус в составе Российской империи, националисты желали признания Финляндии в качестве национального государства в равноправном союзе с Россией, по примеру Венгрии в составе Австро-Венгрии (конституционная монархия) или Норвегии (уния со Швецией). Хотя в Финляндии за десятилетия автономии сложились

институты собственной государственности, сепаратистские настроения на рубеже XIX–XX вв. еще не были сильны.

Сторонники русификации Великого княжества (его дальнейшей политической интеграции в абсолютистскую империю) выступали против особого положения Финляндии. Они считали, что самостоятельность Финляндии зависела лишь от доброй воли царя и могла быть упразднена им в одностороннем порядке. Под их влиянием в феврале 1899 г. Николай II выпустил манифест, который значительно ограничил автономию княжества. Законы, утверждаемые царем, теперь вступали в силу без согласования с парламентом в Гельсингфорсе.

В том же году, когда в Южной Африке разразилась война, в Великом княжестве Финляндском началась кампания протеста против русификации, в защиту законов, принятых представителями финского народа. Все больше жителей Финляндии проникались идеями национального движения, защиты своих политических прав.

В прессе сравнивалось положение Финляндии в составе Российской империи и взаимоотношения Британской империи с бурскими республиками. Обсуждалось, вправе ли Британская империя менять политическое устройство формально зависимых от нее Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, если Россия беспрепятственно ограничивает политическую автономию Финляндии, чтобы интегрировать ее в свою империю. Сходство видели и в том, что финны, так же как буры, пытались убедить мировую общественность, что они имеют право не только на самоуправление, но и на государственность. Утверждалось даже, что русские ущемлялись в правах на территории Великого княжества Финляндского, подобно уитлендерам в бурских республиках до британской оккупации¹⁰.

Позиция газеты *Hufvudstadsbladet*, органа Шведской партии (свекоманов), представлявшей интересы преимущественно шведских жителей Великого княжества Финляндского, была противоречивой. С одной стороны, свекоманы, которые в те годы были всецело лояльны Николаю II и его правительству, отрицали сходство между российской политикой по ограничению автономии Финляндии и стремлением Великобритании взять под свой полный контроль бурские республики. С другой стороны, будучи сторонниками расширения автономии, свекоманы полагали, что, если буры имеют право на разрешение их спора с Британской империей в Постоянной палате третейского суда, то жители Финляндии также могут рассчитывать на международный арбитраж¹¹.

Вторая по популярности газета в Финляндии *Uusi Suometar* отражала взгляды Финской партии. Это националистическое движение тоже стремилось к компромиссу с российской центральной властью в вопросе об автономии. Но при освещении южноафриканского конфликта *Uusi Suometar* занимала откровенно пробурскую позицию и приветствовала помощь, которую жители России оказывали республикам на юге Африки, включая снаряжение и отправку на фронт санитарных отрядов. Редакция надеялась, что массовая пробурская кампания побудит российских консерваторов прислушаться к протестам жителей Фин-

ляндии против русификации: «Отрадно видеть, что русские газеты, такие как “Новое время”, “Московские ведомости” и другие, столь горячо защищают дело Трансвааля против верховенства Англии. Может быть, они прозреют и поймут, что у малых народов есть права. Может быть, благодаря бурам, они посмотрят на финляндский вопрос с правильной точки зрения»¹².

Авторитетнейший русский писатель того времени Л. Н. Толстой принимал у себя участников кампании за отмену Февральского манифеста и высказывался в их поддержку¹³. Он тоже проводил параллели между сопротивлением британской колонизации со стороны буров и массовыми протестами финских подданных против русификации. В беседе с финским литератором Г. Фразером в 1900 г. Толстой отметил, что освободительные движения малых народов, будь это финны или буры, вызывают сочувствие международной общественности, но правительства бездействуют. Защита прав и свобод этих народов противоречит экономическим и политическим интересам великих держав, в том числе России. По мнению Льва Николаевича, бурам и финнам следовало рассчитывать лишь на себя, отстаивая свои права законным способом — с помощью ненасильственного протеста¹⁴.

Впрочем, сторонники вооруженной борьбы за самостоятельность Финляндии тоже учитывали опыт южноафриканской войны и международной пробурской кампании. Подтверждает это циркуляр военизированного союза «Воймалиитто», созданного по инициативе революционной Партии активного сопротивления и готовившего антироссийское восстание в Великом княжестве. В 1906 г. руководство союза обращалось к руководителям региональных отделений: «Убедите народ в том, что дело наше на верное удастся, для чего следует всем, подобно бурам, восстать поголовно, а потом, когда этим обратим внимание Европы, русские не могут с нами обращаться как с бунтовщиками, но должны будут признать за нами права воюющего государства»¹⁵.

Польша

Судьба буров казалась близкой и полякам, не смирившимся с потерей государственности в результате разделов Речи Посполитой. В XIX в. жители Царства Польского много раз поднимались на вооруженную борьбу за независимость от Российской империи, противостоя превосходящим силам противника. Сепаратистские движения действовали и на польских территориях, принадлежавших Германии и Австро-Венгрии.

В годы англо-бурской войны в этих регионах образ бура подвергся романтизации и идеализации. Варшавский издатель Я. С. Гебетнер, чье детство пришлось на этот период, отмечал, что, по политическим причинам, «все освободительные движения, даже такие отдаленные, как в Южной Африке, вызывали живой отклик в широких слоях [польского] общества. И неудаче англичан радовались, и победы буров приветствовали с воодушевлением»¹⁶.

Образ бура перекликался с почитавшимся в польской политической культуре образом борца за свободу, беззаветно преданного родине и с готовностью отдающего ради нее свою жизнь. Очевидно сходство мотивов польской националистической поэзии и «Военного гимна буров», опубликованного на территории Российской империи:

Вперед! Нас родина зовет, —
 Готовы ль всю ей жизнь отдать?
 Вперед! Час славы настает —
 Нам за свободу умирать <...>¹⁷

В губерниях Царства Польского сочувствие бурам иногда становилось завуалированным способом выражения недовольства политикой Российской империи в отношении поляков. Пробурские публикации обходили цензурные препоны на пути польского национализма. Эта тенденция проявлялась не только в журналистике, но и во многочисленных произведениях художественной литературы, а также в книгах, брошюрах и статьях об истории бурского народа и причинах вооруженного конфликта на юге Африки, написанных поляками или вышедших в вольном переводе на польский язык.

Авторы таких произведений, публиковавшихся на территории Царства Польского или за рубежом и разрешенных к продаже в Российской империи, сообщали, что знакомство с судьбой южноафриканских республик и их противостоянием Британской империи могло быть особенно полезно польским читателям. Они превозносили «земледельцев и скотоводов, умеющих защищать свою землю», которые учат детей служить родине и не отступают перед многочисленным вражеским войском. В некоторых текстах бурские генералы были уподоблены героям польского национально-освободительного движения¹⁸.

Опасные для царизма параллели между бурским и польским освободительными движениями были слишком явными, чтобы власти могли игнорировать их. В 1900 г. Варшавский цензурный комитет сообщал в Главное управление по делам печати, высшую цензурную инстанцию в Российской империи, что польская пресса «старалась при всяком удобном случае подчеркнуть то обстоятельство, что поляки и буры, так сказать, друзья и что симпатии поляков к бурам зиждутся на иных основаниях, нежели симпатии других, пользующихся независимостью, народов»¹⁹.

Должно быть, многочисленные признаки (само)цензуры в польских переводах немецких романов об англо-бурском конфликте объясняются стремлением избежать претензий со стороны государства. В версиях для польского читателя рискованное с политической точки зрения слово «восстание» иногда заменялось на «войну», а реплики героев, призывавших к самопожертвованию ради свободы и независимости родины и борьбе до последнего вздоха опускались²⁰.

Когда в ноябре 1900 г. польские газеты опубликовали обращение международного комитета по организации торжественного приема президента П. Крюгера в Европе с призывом приветствовать главу бурской республики и его сограждан, цензоры усмотрели в этом опасный прецедент. По мнению начальника Главного управления по делам печати, участие поляков в чествовании Крюгера и особенно выражение сочувствия к их борьбе за независимость могли приобрести «характер политической демонстрации». Директор Второго департамента МИД, выражая официальную позицию своего ведомства, согласился, что «организация специально польской прессой чествования президента буров на почве общности политических стремлений обеих национальностей, без сомнений, явится поводом к политическим демонстрациям и потому представляется совершенно нежелательной»²¹.

Польская социалистическая партия (ППС), выступавшая за создание национального государства, увязывала борьбу за права рабочего класса с борьбой против империализма. По инициативе ППС лондонский конгресс II Интернационала в 1896 г. провозгласил право народов на самоопределение — в том числе для противодействия колониализму, способствующему распространению капиталистической эксплуатации. В связи с этим руководство ППС поддерживало сопротивление буров британскому экспансионизму. В начале южноафриканской войны редакция печатного органа ППС отмечала: «Может быть, воображение подсказывает кому-то из нас иную, более близкую нашему сердцу картину поля боя, и образы иных, более близких нашему сердцу, защитников отечества, поднявшихся на решающую битву с превосходящим противником. И эти заболоченные луга на берегах Вислы, пропитанные кровью многих поколений, и войска трудящихся, сражающиеся под красным знаменем польской революции и предстающие в нашем воображении, заставляют нас взглянуть на борьбу за права Трансвааля с еще большим состраданием»²².

Руководители партии надеялись, что южноафриканский конфликт отвлечет внимание и силы российского и германского правительств от польского вопроса, что позволит расширить социалистическое движение на их территории и успешнее препятствовать русификации и германизации в преимущественно польских регионах. Один из основателей ППС и польского социалистического движения писатель Б. Лимановский считал, что полякам следовало поддерживать бурские республики, хотя в массовой пробурской кампании участвовали противники независимости Польши. По мнению Лимановского, нужно было не только осуждать «английское беззаконие», но и отправлять польских добровольцев в Южную Африку, чтобы сражаться на стороне буров²³.

Среди польских националистов не было единодушия относительно участия в массовой пробурской кампании. Например, всемирно признанный романист Г. Сенкевич, проживавший в Варшаве, восхищался стойкостью защитников бурских республик. При этом он полагал, что, если буры будут побеждены, их положение в составе Британской империи будет лучше участи поляков

на родине. По мнению писателя, британцы позволят бурам сохранить автономию и будут оберегать их язык, религию и культуру²⁴.

В 1900 г. Сенкевич даже отказался подписать обращение выдающихся европейских ученых и литераторов к британскому народу с призывом остановить войну в Южной Африке. Он пояснял, что считает более насущным решение польского вопроса. Давний сторонник политических реформ в Царстве Польском и критик германизации польского меньшинства в Германии призвал инициаторов воззвания постараться прекратить дискриминацию поляков в Европе: «Ведь здесь речь идет не о горсти колонистов, эмигрировавших в далекий заморский край, а о целом народе, имеющем заслуги перед человечеством и живущем на своей исконно польской земле, которая покрыта прахом и костями последовательно сменявшихся поколений»²⁵.

Образованная в 1900 г. партия «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы» (СДКПиЛ) была радикальнее ППС. Ведущую роль в этой крупной организации играли революционеры-марксисты. Они полагали, что Польше по политико-экономическим причинам целесообразно оставаться в составе Российской империи и польскому пролетариату следует действовать в союзе с рабочими России. Видимо, поэтому на рубеже XIX–XX вв. СДКПиЛ уделяла южноафриканским событиям гораздо меньше внимания, чем ППС. Для польских социал-демократов англо-бурская война была лишь типичным вооруженным конфликтом, вызванным противоречиями мирового капитализма²⁶.

Тем не менее на конференции Международного социалистического бюро II Интернационала (1901) СДКПиЛ присоединилась к протесту против империалистической политики стран Европы и США, включая войну в Южной Африке. Это заявление было принято наряду с резолюциями, предложенными делегатами от России и Польши, с осуждением посягательств царизма на самоуправление Финляндии и репрессий против участников рабочего движения в России²⁷.

Заключение

На фоне интенсивной политизации российского общества и обострения межэтнических противоречий на рубеже XIX–XX вв. деятели национальных движений ассоциировали сопротивление малого народа на юге Африки, восставшего против иноземной гегемонии, с собственной борьбой за самоопределение. Интерес национальных движений в Российской империи к опыту англо-бурской войны стимулировался массовой пробурской кампанией. Образ бура как участника освободительной борьбы возник в российской массовой культуре и утвердился в коллективном сознании. Жителям окраин империи, включая национально-патриотическую интеллигенцию, такой образ бура напоминал фольклорные и литературные образы самоотверженных борцов за права их собственных народов.

Ярким примером влияния коллективных представлений о бурском вооруженном сопротивлении на национальные движения считается ситуация в Ирландии. Будучи в составе Британской империи, Ирландия находилась в состоянии войны с Трансваалем и Оранжевым Свободным Государством. При этом большинство сторонников ирландского самоуправления или независимости, включая социалистов, открыто симпатизировали бурам. В 1899–1902 гг. на митинги в защиту далеких республик собирались десятки тысяч человек. Пробурская кампания помогла возродить антибританские настроения и вдохнуть новую жизнь в ирландское национальное движение. Дублин потрясли самые серьезные за несколько десятилетий волнения и беспорядки. Лишь благодаря разумной политике британской администрации удалось предотвратить восстание²⁸.

Но в Российской империи реакция национальных движений была гораздо сдержаннее. Южная Африка была слишком далекой в географическом, культурном и политическом отношениях. К тому же у подданных царя было меньше разрешенных законом способов политического протеста, чем у подданных британской королевы. Сопротивление буров вдохновляло литераторов и общественных деятелей и вызывало сочувствие в обществе, но это не придало импульс освободительным движениям.

Тем не менее англо-бурская война вызвала бурные дискуссии в организациях и периодических изданиях, связанных с национальными движениями в Российской империи. Обсуждались целесообразность обращения к зарубежной общественности и международному арбитражу и даже эффективность вооруженной борьбы в противостоянии с регулярной армией империи. Таким образом, дискуссии вокруг южноафриканской войны способствовали разработке стратегии национальных движений и позволяли их деятелям преодолевать цензурные ограничения на пути распространения своих идей.

¹ Lowry D. "The world's no bigger than a kraal": The South African War and international opinion in the first age of "globalization" // Omissi D., Thompson A.S. (eds). *The Impact of the South African War*. Houndsmills; Basingstoke; New York: Palgrave, 2002. P. 276.

² Англо-бурская война 1899–1902 годов: опыт и перспективы исследования / Под ред. Б. М. Горелика, В. В. Грибановой и А. А. Токарева. М.: Институт Африки РАН, 2023. С. 39, 207; Давидсон А. Б., Филатова И. И. Россия и первая война XX века // Исторические записки. 2008. Вып. 11 (129). С. 298, 317.

³ Письмо Е. Е. Стааля к В. Н. Ламздорфу, 1 марта 1900 г. Оригинал на французском языке // АВПРИ. Ф. 350. Оп. 910. Д. 116. Л. 310.

⁴ Szlanta P. Opinia publiczna Królestwa Polskiego wobec wojny burskiej (1899–1902) // *Przeгляд Historyczny*. 2000. Vol. 91, no. 4. S. 535–550; Zajas P. Polacy jako Burowie. Imagologia pomiędzy auto- i heterostereotypem // Axer J., Bujnicki T. (eds.). *Wokół "W pustyni i w puszczy"*. W stulecie pierwodruku powieści. Kraków: Universitas, 2012. S. 29–52.

- ⁵ Письмо А. К. Базили к Е. Е. Стаалю, 9 марта 1900 г. Оригинал на французском языке // АВПРИ. Ф. 350. Оп. 910. Д. 116. Л. 335.
- ⁶ *Клеменц Д. А.* Бурская война и частная инициатива. Рукопись без даты // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 3–4.
- ⁷ *Хетагуров К.* Собрание сочинений. Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 246.
- ⁸ *Захарьин (Якушин) И. Н.* Встречи и воспоминания. Из литературного и военного мира. СПб: Издание М. В. Пирожкова, 1903. С. 242.
- ⁹ Эстонские поэты XIX века / Сост. П. Руммо. Л.: Советский писатель, 1961. С. 210.
- ¹⁰ *Мессарош П. И.* «Финляндия и Трансвааль» // Московские ведомости. 1899. № 302, 2 (14) ноября. С. 2.
- ¹¹ Finland och Transvaal // Hufvudstadsbladet. 1899. No. 288. P. 3.
- ¹² Wenäläisten myötätuntoisuus buureja kohtaan // Uusi Suometar. 1899. No. 267. P. 5.
- ¹³ *Хеллман Б. Л. Н.* Толстой и финляндский вопрос 1899 г. // Европа в России. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 229.
- ¹⁴ [*Fraser G.*] Minä besök hos grefve Leo Tolstoy. Stockholm: Albert Bonniersförlag, 1901. P. 50–52, 63. Текст любезно предоставлен Б. Хеллманом.
- ¹⁵ Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг. Сборник документов. Т. 1 / Отв. сост. М. В. Зеленов. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 615.
- ¹⁶ *Gebethner J.* Młodość wydawcy. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1977. S. 76.
- ¹⁷ Военный гимн буров // Задушевное слово. 1900. № 2. С. 2.
- ¹⁸ *Zajac P.* Polacy jako Burowie. S. 37–40.
- ¹⁹ Письмо Н. В. Шаховского к Н. А. Малевскому-Малевичу, 15 ноября 1900 г. // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 929. Д. 10. Л. 77 – 77 об.
- ²⁰ *Zajac P.* Polacy jako Burowie. S. 45.
- ²¹ Проект письма Н. А. Малевского-Малевича к Н. В. Шаховскому, 25 ноября 1900 г. // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 929. Д. 10. Л. 86–87.
- ²² Wojna // Przedświt. 1899. No. 12. S. 1.
- ²³ *Szlanta P.* Opinia publiczna Królestwa Polskiego wobec wojny burskiej (1899–1902). S. 547.
- ²⁴ L'avenir de l'Afrique du Sud. Lettre d'Henryk Sienkiewicz // Le Journal. 1902. No. 3455, 17 mars. P. 1.
- ²⁵ List Sienkiewicza do bar. Suttner // Czas. 1900. No. 54, 1 Marca. S. 1.
- ²⁶ Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 47.
- ²⁷ *Плеханов Г.* Из Брюсселя. Письмо в редакцию «Искры» // Искра. 1902. № 15, 15 января. С. 6.
- ²⁸ *McCracken D. P.* Forgotten Protest: Ireland and the Anglo-Boer War. Belfast: Ulster Historical Foundation, 2003. P. 77.

References

Anglo-burskaya voyna 1899–1902 godov: opyt i perspektivy issledovaniya [Researching the Anglo-Boer War of 1899–1902: The Practice and the Future. In Russ.]. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2023.

DAVIDSON A. B., FILATOVA I. I. *Rossiya i pervaya voyna XX veka* [Russia and the first war of the 20th century. In Russ.] // Istoricheskie zapiski. 2008. No. 11 (129). P. 291–329.

Estonskie poety XIX veka [Estonian Poets of the 19th Century. In Russ.]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1961.

GEGETHNER J. *Młodość wydawcy* [The Youth of a Publisher. In Polish]. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1977.

HELLMAN B. *L.N. Tolstoy i finlyandskiy vopros 1899 g.* [L.N. Tolstoy and the Finnish Question. In Russ.] // Evropa v Rossii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. P. 226–232.

KHETAGUROV K. *Sobranie sochineniy* [Collected Works. In Russ.]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1974.

LOWRY D. "The world's no bigger than a kraal": The South African War and international opinion in the first age of "globalization" // Omissi D., Thompson A. S. (eds). *The Impact of the South African War*. Houndsmills; Basingstoke; New York: Palgrave, 2002. P. 268–288.

MCCRACKEN D.P. *Forgotten Protest: Ireland and the Anglo-Boer War*. Belfast: Ulster Historical Foundation, 2003.

Rossiya i nezavisimost' Finlyandii: 1899–1920 gg.: Sbornik dokumentov [Russia and the Independence of Finland, 1899–1920: Collected Documents. In Russ.]. Vol. 1. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021.

Sotsial-demokratiya Pol'shi i Litvy v revolyutsii 1905 g. [Social Democracy of the Kingdom of Poland and Lithuania in the 1905 Revolution. In Russ.] Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1956.

SZLANTA P. *Opinia publiczna Królestwa Polskiego wobec wojny burskiej (1899–1902)* [Public opinion in the Kingdom of Poland on the Boer War (1899–1902). In Polish] // *Przegląd Historyczny*. 2000. Vol. 91, no. 4. P. 535–550.

ZAJAS P. *Polacy jako Burowie. Imagologia pomiędzy auto- i heterostereotypem* [The Poles and the Boers. Imagology between auto- and hetero-stereotypes. In Polish] // Axer J., Bujnicki T. (eds.). *Wokół "W pustyni i w pustychy"*. W stulecie pierwodruku powieści. Kraków: Universitas, 2012. P. 29–52.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Б. М. Горелик. Дискуссии вокруг англо-бурской войны в национальных движениях Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 127–138

Аннотация. Массовая российская кампания в поддержку бурских республик во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. обычно ассоциируется с консерваторами. Тем не менее сопротивление Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства империалистической экспансии привлекло внимание и антиавторитарных сил. Национальные движения в Великом княжестве Финляндском, губерниях Царства Польского и других регионах изучали опыт вооруженных действий южноафриканского ополчения, на первых порах одерживавшего победы над регулярной армией великой державы. Выявлению причин такого внимания посвящена эта статья. В качестве материала для исследования использованы публицистические статьи, мемуары и стихи деятелей национальных и социалистических движений; сведения, опубликованные в бесцензурной прессе, которая нелегально распространялась в Российской империи; а также переписка высокопоставленных чиновников, обнаруженная в Архиве внешней политики Российской империи. Установлено, что деятели национальных движений видели много общего между действиями буров и борьбой за самоопределение народов Российской империи. Во время дискуссий в организациях и периодических изданиях, связанных с национальными движениями, затрагивались такие темы, как целесообразность обращения к зарубежной общественности и международному арбитражу, а также эффективность насильственных действий в противостоянии с вооруженными силами. Сочувствие бурам иногда становилось завуалированным способом выражения недовольства политикой самодержца и его правительства в отношении населения окраин империи. Таким образом, обсуждение южноафриканской войны способствовало совершенствованию стратегии национальных движений и позволяло их деятелям преодолевать цензурные ограничения на пути распространения своих идей.

Ключевые слова: англо-бурская война, Южная Африка, Трансвааль, политизация российского общества, национальные движения, Российская империя.

FOR CITATION

B. M. Gorelik. Debates on the South African War by national movements in the Russian Empire // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 127–138

Abstract: The Russian mass campaign in support of the Boer republics during the South African War of 1899–1902 is typically associated with conservative forces. However, the resistance of the Transvaal and Orange Free State to imperialist expansion also attracted the attention of anti-authoritarian forces. National movements in Finland, Congress Poland and other regions studied the military experience of the Boer militias, which initially demonstrated superior capabilities to those of a great power's standing army. The objective of this article is to identify the reasons for such interest. The study is based on the following sources: political commentary, memoirs and poems by figures of national and socialist movements; information published in the uncensored press, which was distributed clandestinely in the Russian Empire; and correspondence of high-ranking officials found in the Foreign Policy Archives of the Russian Empire. It becomes evident that the leaders of national movements perceived a multitude of parallels between the actions of the Boers and the struggle for self-determination of the peoples of the Russian Empire. In the context of discussions held within organisations and periodicals associated with national movements, a number of key questions were addressed, including the potential merits of launching campaigns abroad and appealing to international arbitration, as well as the efficacy of violence in confrontation with armed forces. Sympathy for the Boers occasionally constituted an indirect method of articulating discontent with the policies of the autocrat and his government towards the population of the remote regions of the empire. In this way, the discussion of the South African War contributed to the improvement of the strategy of national movements and enabled their leaders to circumvent censorship restrictions when promoting their ideas.

Key words: South African War, South Africa, Transvaal, politicisation of Russian society, national movements, Russian Empire.

Автор: **Горелик, Борис Моисеевич** — к. и. н., старший научный сотрудник Центра исследований юга Африки Института Африки Российской академии наук (Москва, Россия).

Author: **Gorelik, Boris Moiseyevich** — PhD in History, senior research fellow, Centre for Southern Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: boris.gorelik@inafr.ru
ORCID 0000-0001-8839-3889